

Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии

Ханин Гирш Ицкович

Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия, e-mail: khaning@yandex.ru

Цитирование: Ханин Г.И. (2022). Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии. *Terra Economicus* 20(3), 52–71. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-52-71

Анализируется начальный этап формирования системы планирования СССР как составной части командной экономики. Показывается, что цели и задачи первых перспективных планов определялись объективной необходимостью преодоления экономической и военной отсталости СССР по сравнению с развитыми капиталистическими странами, убеждением советского руководства в неизбежности военного столкновения с классовыми и геополитическими конкурентами. Вместе с тем влияние оказал кризис нэпа в реконструктивный период. Сопоставляются три варианта первого пятилетнего плана. Показывается и объясняется разница в их целевых установках, макроэкономических заданиях и основных народнохозяйственных пропорциях. На основе мировой и советской экономической истории оценивается реалистичность отдельных вариантов пятилетних планов, показывается утопичность принятого варианта пятилетнего плана. Производится анализ выполнения пятилетнего плана в первые два года пятилетки. На основе альтернативных макроэкономических оценок показывается огромное невыполнение заданий по всем важнейшим показателям. Анализируются изменения в сторону повышения планов отдельных отраслей экономики с весны 1929 г. В свете утопичности принятых планов рассматривается вопрос, не был ли Сталин и его окружение безумцами, и как они могли ориентироваться в происходящем в экономике в условиях недостоверности макроэкономической информации. Показывается, что они обладали достаточной информацией о реальном положении в экономике.

Ключевые слова: экономика СССР; первый пятилетний план; альтернативные макроэкономические оценки; выполнение первого пятилетнего плана

From realism to utopia: The three versions of the Soviet Union's first five-year plan

Girsh Khanin

Siberian Institute of Management RANEPA, Novosibirsk, Russia, e-mail: khaning@yandex.ru

Citation: Khanin G. (2022). From realism to utopia: The three versions of the Soviet Union's first five-year plan. *Terra Economicus* 20(3), 52–71 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-52-71

Planning system in the Soviet Union was an integral part of its command economy. This article deals with the first stage of Soviet-type economic planning. I rely on official documents and literature sources to analyze both statistics and discourses related to first five years of planning. The targets of the Soviet Union's first five-year plan were defined by the need to overcome the economic and military backwardness of the Soviet Union compared with advanced capitalist countries. Also, there was a strong conviction among the leaders of the Soviet system that military conflicts with class opponents and unfriendly countries are inevitable. At the same time, the targets were determined by the crisis of new economic policy, official economic reconstruction program of the Soviet Union from 1921 to 1928. My paper compares the three versions of the first five-year plan. I explain the differences in their overall purposes, macroeconomic goals and target proportions between the industry sectors. Based on international economic history and the history of Soviet Union, I assess the feasibility of several versions of the five-year plan and uncover the utopian nature of the five-year plan finally adopted. Besides, the article analyzes the fulfillment of the five-year plan during the first two years. Alternative macroeconomic estimates confirm that almost all of the most important targets have not been achieved. Tendencies to increase some of the indicators for particular sectors of the economy since spring 1929 are analyzed as well. Due to the utopian nature of the adopted plan, the question is considered whether Stalin and his entourage were insane and how they could navigate in what was happening in the economy when guided by unreliable macroeconomic data. Although, they are proved to have sufficient information about the real situation in the economy.

Keywords: USSR economy; versions of the first five-year plan; alternative macroeconomic estimates; fulfillment of the first five-year plan

JEL codes: N14, E01

Введение

Первый пятилетний план всегда привлекал внимание экономических историков СССР, России и зарубежных стран как важнейшее событие в мировой экономической истории. В последние годы в связи с неудачами в проведении либеральных экономических реформ в России усилилась ностальгия по сталинскому прошлому советской экономики, создавшему в СССР мощную индустриальную и военную державу¹. Начало этому процессу было положено как раз первым пятилетним планом. Именно это обстоятельство побудило некоторых российских экономистов расценить первый пятилетний план как эталон планирования, а его реализацию – как образец хозяйствования. И я обратился к изучению самого плана и истории его реализации. В качестве первого этапа этого анализа взят период составления первого пятилетнего плана и первые два года его реализации.

Объективная необходимость модернизации советской экономики

Разработка первого пятилетнего плана диктовалась, прежде всего, объективной необходимостью скорейшей модернизации советской экономики. Первая мировая война выявила серьезные дефекты российской экономики. Техническая отсталость помешала обеспечению российских вооруженных сил современными видами военной техники (моторами для самолетов, танками, тяжелой артиллерией), телефонной связью, грузовыми и легковыми автомобилями. Для выпуска военной продукции остро не хватало цветных металлов, ряда химикатов. Железнодорожный транспорт с трудом справлялся с одновременными перевозками гражданских и военных грузов. Отставание российской экономики от стран Европы и США, несмотря на ее успехи начиная с 1885 г., особенно в 1890-е гг. и в 1909–1913 гг., было громадным. В годы Первой мировой войны некоторые отрасли российской экономики (химическая промышленность, электроэнергетика) получили серьезный толчок. Было введено много железнодорожных линий. Поэтому, говоря о

¹ Наиболее ярко это проявилось в широко разрекламированной частью российских СМИ книге Александры Галушки с соавторами «Кристаллы роста», вышедшей в 2021 г.

дореволюционном уровне промышленности и железнодорожного транспорта, сравнение надо вести начиная с 1916 г., а не с 1913 г. Следует также учесть, что даже в периоды подъема по разным причинам не полностью использовались производственные мощности. Это объясняет успехи некоторых отраслей советской промышленности в количественном выражении даже по достижении уровня 1916 г.

Гражданская война нанесла российской экономике серьезный удар. Восстановление дореволюционного уровня в промышленности в количественном выражении не завершилось даже в 1928 г. (Ханин, 1989: 66–83). Качество промышленной продукции было из-за нехватки квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, слабости конкуренции в условиях монополии внешней торговли намного ниже дореволюционного. Сказались внушительные потери кадров в годы гражданской войны и эмиграции.

По мере приближения к концу восстановительного периода среди специалистов и в руководстве страны крепло убеждение в необходимости экономического рывка. Для такой великой по размерам и численности быстро растущего населения страны, как СССР, сохранение прежней социально-экономической структуры грозило экономическим застоем, социально-политической нестабильностью и внешнеполитическими осложнениями. В то время несколько развитых стран видели решение своих проблем в расширении жизненного пространства. И СССР с его большими природными ресурсами, экономической и военной слабостью являлся подходящей целью. О военной слабости СССР в середине 1920-х гг. говорило то, что численность его вооруженных сил в два раза уступала царской России 1913 г. Но главное – крайне низкая техническая вооруженность. Красная армия не располагала танками, современными боевыми самолетами. Военно-морской флот был слаб. В случае масштабной войны СССР не мог надеяться на военнотехническую помощь Запада, как Россия в период Первой мировой войны. Советские военачальники в конце 1920-х гг. предсказывали СССР военное поражение в столкновении с коалицией соседних государств.

Экономическая отсталость в этот период усугубилась. Экономика СССР по структуре и технике оставалась на уровне 1913 г., в то время как на Западе после Первой мировой войны был бурный экономический подъем в таких отраслях, как электроэнергетика, химическая и автомобильная промышленность.

К этим причинам добавлялись особенности советского строя. Для Коммунистической партии достижение более быстрого экономического развития, чем в развитых капиталистических странах, означало ее легитимизацию перед своим населением и внешним миром, демонстрацию превосходства социализма над капитализмом, о чем утверждалось в программных документах партии. Еще более настоятельным было укрепление военной мощи СССР. Провозглашаемая непримиримость классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией переносилась на международную жизнь. Военное столкновение с какой-нибудь из ведущих капиталистических стран или их коалицией партия считала неизбежным, хотя такой угрозы именно в 1920-е гг. не наблюдалось.

Подготовка к составлению первого пятилетнего плана

Общие идеи по послевоенной модернизации российской экономики были высказаны еще в 1919 г. выдающимся российским теплотехником В.И. Гриневецким в книге «Послевоенные перспективы российской промышленности». Автор на основе анализа экономических уроков Первой мировой войны для России предложил программу необходимой модернизации российской экономики в послевоенный период с ориентацией на индустриализацию и быстрее развитие электроэнергетики, химической промышленности, машиностроения. Русские инженеры, увлеченные идеей электрификации экономики и быта, в 1920 г. разработали план ГОЭЛРО, в котором для обоснования объемов производства электроэнергии на период 1930–1935 гг. были представлены очень примерные умозрительные прогнозы по всем отраслям материального производства с ориентацией на индустриализацию страны с указанием ориентировочного общего объема требуемых средств.

Понятно, что советское руководство не могло довольствоваться научными прогнозами. Оно нуждалось в планах, позволяющих целенаправленно руководить осуществлением своих стратегических намерений. Время для таких планов пришло к моменту, когда благодаря нэпу удалось предотвратить крах советской экономики после окончания гражданской войны. К этому времени уже существовали и необходимые для этого государственные институты: созданный в феврале 1921 г. Госплан РФ и отраслевые наркоматы, в которых работали квалифицированные инженеры и экономисты. Этот план содержал помимо собственно подробного плана электрификации прикидки производства на 10–15 лет. К 10-летнему сроку из 18 натуральных показателей были выполнены только два. По ряду показателей прогнозы были выполнены на 55–60%, по некоторым на 40%, даже 25%. Производство сланцев и алюминия вообще не началось. По большинству же продуктов планы были достигнуты только к 1935 г. (Сорокин, 1961: 119–120). Уже тогда, причем со стороны дореволюционных специалистов, проявилась черта, присущая последующим перспективным планам: завышенные, нереалистичные ожидания.

Исключением явились проектировки середины 1920-х гг., составленные под влиянием хозяйственной разрухи после гражданской войны. Они страдали недооценкой возможностей советской экономики периода нэпа на восстановительной стадии. Это относилось и к плану ОС-ВОК, составленному под руководством Г. Пятакова – горячего сторонника скорейшей индустриализации (Струмилин, 1958: 276–307).

Первый пятилетний план был составлен в Госплане СССР в 1927 г. и назывался «Перспективная ориентировка на 1925/26–1930/31 гг.» (Перспективы развертывания..., 1927). Но более значительное внимание привлекла следующая перспективная ориентировка на 1926/27–1931/32 гг. (там же).

Для придания значимости пятилетнему плану директивы по его составлению были утверждены на XV съезде ВКП(б) (О директивах..., 1984: т. 4, 274–293). Содержание этой резолюции отражало точку зрения основной части верхушки советского руководства, которое после изгнания из нее Троцкого, Зиновьева и Каменева возглавляли Сталин, Бухарин и Рыков. В силу служебного положения и профессиональных интересов авторами резолюции, несомненно, были Бухарин и Рыков. Рыков как глава правительства и делал доклад о директивах по пятилетнему плану. С политической точки зрения резолюция исходила из сохранения нэпа при усилении в экономике обобществленного сектора, но с сохранением преобладающего частного сектора в сельском хозяйстве и в гораздо меньшем объеме в торговле и мелкой промышленности. Другой политической и экономической предпосылкой было сохранение товарно-денежных отношений.

С точки зрения народнохозяйственных пропорций предусматривалось сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, накопления и потребления населения. При этом предполагался более высокий темп развития народного хозяйства, чем в капиталистических странах.

Особое внимание в директивах привлекает упор на необходимость укрепления обороны страны: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время» (Постановление XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», 1927).

В соответствии с указанными общими установками предусматривалось ускоренное развитие электрификации, черной и цветной металлургии, в особенности качественных металлов, химической промышленности, ряда новых отраслей машиностроения. Упоминалась даже добыча радия.

В отличие от последующих директив Коммунистической партии по разработке пятилетних планов в этой не было ни одной цифры. Это открывало возможности для плановиков наполнить общие директивы более или менее экономически обоснованным содержанием. Вместе с тем неясным оставалась реалистичность реализации общих установок. Данный вопрос возник как раз во время работы съезда, когда неожиданно для партийного руководства разразился хлебозаготовительный кризис. В последние два месяца 1927 г. государственные хлебозаготовки сокра-

тились по сравнению с тем же периодом 1926 г. в два раза. Состоятельные крестьяне отказывались сдавать зерно государству по установленным низким заготовительным ценам. А они были установлены на низком уровне, чтобы оставить средства для выросших капитальных вложений в промышленность и транспорт, сделать рентабельным экспорт зерна. Крестьяне сдавали зерно частным заготовителям, цены у которых были выше в два раза и более.

Для того чтобы обеспечить зерном экспорт, районы технических культур и городское население без сокращения капитальных вложений, Политбюро ЦК пошло на чрезвычайные меры по насильственному изъятию зерна у состоятельных крестьян, что шло вразрез с принципами нэпа. Одновременно с кризисом хлебозаготовок разразился острейший кризис городского товарного обеспечения из-за несоответствия объема производства потребительских товаров денежному спросу городского и сельского населения с ростом цен на частном рынке вместо их снижения по директивам пятилетки. «Хвосты за хлебом, хлебные карточки или их различные суррогаты к лету 1928 года существовали в разных районах страны» (Осокина, 1999: 57). Так, благостная картина всеобщего равновесия, представленная в директивах по составлению пятилетнего плана, разрушилась уже в момент их принятия. Это демонстрировало их нереалистичность. Не будет преувеличением сказать, что первый пятилетний план, ориентированный на рыночное равновесие, провалился в первый квартал его осуществления.

Уже в начале хлебозаготовительного кризиса один из самых талантливых советских экономистов того периода Н.Н. Осинский в письме Рыкову и Сталину от 12 декабря 1927 г. пронизательно вскрыл масштаб причины и последствия этого кризиса, а также пути выхода из него. Приведу самые главные выводы Осинского, опустив многие конкретные аргументы.

Масштаб. «Мы находимся в начале весьма глубокого хозяйственного кризиса, гораздо более сильного, чем осенний кризис 1923 года или весенние затруднения 1925 года» (Большевистское руководство, 1996: 358).

Причины. «Более коренными причинами срыва... который неминуемо развернется в глубокие общие затруднения, является развертывание нашего производства в темпе и по направлениям, которые не соответствуют реальным возможностям страны... Мы чересчур нажали на тяжелую индустрию, заторопили здесь темп. Мы сразу решили взяться за три стройки: Днепрогэс, Семиреченскую дорогу, Волго-Дон» (там же: 359–360).

Выход. «Надо привлечь ресурсы извне и при этом в очень широких масштабах и к организованной подготовке такого использования. Во весь рост при этом становится вопрос о наших претензиях и контрпретензиях» (там же: 360). «Другой общей причиной переживаемого кризиса является... чрезмерно быстрое движение по пути централизации нашего хозяйственного управления и ослабление принципа хозяйственного расчета в отдельных хозяйственных ячейках... Начинают возрождаться элементы “Военного коммунизма”» (там же).

Из предложений Осинского в апреле 1928 г. было принято только одно: несколько подняты цены на зерно. Но недостаточно, чтобы стимулировать состоятельных крестьян сдавать зерно.

К высказанному Осинским мнению о причинах кризиса хлебозаготовок и мерах по их преодолению вскоре присоединился отец денежной реформы 1924 г. Г. Сокольников (1991). Сокольников достаточно осторожен, видимо, учитывая политическую погоду и свое относительно низкое служебное место. Вопреки очевидному росту товарного голода и цен в частной торговле он отказывается говорить об инфляции, упоминает только о ее элементах (там же: 324). Он верно отмечает неизбежность кризиса хлебозаготовок ввиду чрезмерного развертывания капитального строительства в 1927/28 г., разрыва между доходами населения и их товарным покрытием. Таким образом, на деле отвергается чрезмерный темп капитального строительства в первом году пятилетки. Он показал, как сокращение хлебозаготовок привело к сокращению заготовок технических и животноводческих продуктов в декабре 1927 г. (там же: 328). В то же время произошло сокращение выпуска предметов потребления из-за низкого уровня товарных запасов в этих отраслях (там же: 325). В результате дефицит промтоваров вырос в октябре-декабре 1927 г. по сравнению с тем же периодом прошлого года с немалых 277 млн до 558 млн руб., или более чем в два раза (там же: 332), предупредив и кризис хлебозаготовок в конце года.

В качестве вывода Сокольников благоразумно только пятым пунктом своих предложений выдвигает «более правильное согласование капитального строительства и темпа развертывания “тяжелой” индустрии с темпом развертывания “легкой” индустрии» (там же: 333). Еще более громко прозвучал голос члена Политбюро Николая Бухарина в статье «Заметки экономиста», вышедшей 30 сентября 1928 г. к началу нового хозяйственного года в газете «Правда» (Бухарин, 1990: 336–366). Бухарин как член Политбюро и главный редактор «Правды» мог себе позволить быть более откровенным.

Бухарин начинает статью с совершенно искреннего утверждения о своей приверженности индустриализации. Он лишь за ее разумное, по возможности, бескризисное проведение. Отмечает объективные сложности реконструктивного (в отличие от восстановительного) периода (там же: 297), крупный экономический прогресс в первые годы этого периода преимущественно государственного сектора и в несельскохозяйственном производстве (там же: 338–340). С досадой приходится отметить, что автор не критически опирается исключительно на официальную статистику, которая уже тогда заметно искажала действительность, что применительно к динамике промышленной продукции выявил Я.П. Герчук в 1927 г. Особенно это касалось оценки объема и динамики основного капитала, игравшего ключевую роль в индустриализации, что было связано с ошибками в проведении переоценки основных фондов по восстановительной стоимости. Как я установил, в 1928 г. восстановительная стоимость основных фондов в промышленности СССР была примерно в два раза(!) выше балансовой, на которую ориентировались вместе со статистиками и Осинский, и Бухарин (Ханин, 1989). Получается, что они серьезно недооценивали объем средств, необходимых для индустриализации, ошибочно оценивали финансовое положение предприятий из-за преуменьшения амортизационных отчислений. Датировка Бухариным окончания восстановительного периода 1926 годом – не только результат ошибочной статистики. Он не означает достижение максимального уровня дореволюционной России, поскольку по ряду отраслей (электроэнергия, машиностроение, химическая промышленность) ее максимальным уровнем был не 1913 г., а 1916-й.

Вместе с тем Бухарин обращает внимание на периодические экономические кризисы советской экономики, которые, хотя по форме и отличаются от капиталистических, весьма болезненны и опасны (Бухарин, 1990: 340). Он связывает эти кризисы с «относительной бесплановостью хозяйства переходного периода» (там же: 342). Первый ее источник – опора на мелкие хозяйства форм рыночной связи (там же). С этим источником, по умолчанию, приходится просто мириться (в отличие от Сталина, который не захотел с ним мириться). Также Бухарин акцентирует: «грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае зерновых) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежные» (там же: 343). На этих просчетах Бухарин и делает упор.

В вопросе взаимоотношений города и деревни он в противовес троцкистам (под которыми понимает и сталинистов), выступающим за перекачку средств из деревни в город на нужды индустриализации, утверждает, что «наивысший длительный темп (индустрии-Х) получается при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве» (там же: 345). Он не рассматривает вопрос о том, откуда взять огромные средства, необходимые для индустриализации, которые, как он правильно отмечает, сами зависят от уровня развития индустрии. Известную перекачку средств из сельского хозяйства в пользу промышленности он все же допускает, но возражает против чрезмерной перекачки (там же: 353).

Бухарин совершенно обоснованно отмечает отсутствие в годовых контрольных цифрах (и это тем более справедливо для перспективных планов) балансировки производственных целей производственными возможностями, что, конечно же, означает их недостижимость, нереальность (там же: 360). Это было им выявлено уже для первого года пятилетки и стало хроническим явлением в будущем. В этом отношении особенно убедителен его анализ обоснованности заданий по капитальному строительству на 1928/29 г. (там же: 361). Оказалось, что задания практически не обеспечены строительными материалами. Из 11 строительных материалов только по одному (мелу) они балансировались. По другим наблюдался дефицит, доходящий по балкам швеллера до 29,7%. Я досчитал приведенные им данные с поправкой на размер дефицита. Оказалось, что среднеарифметическая величина дефицита составила 12,5%. Но узким местом

мог оказаться почти любой дефицит. При таком дефиците план был невыполним. Исполнителям ничего другого не оставалось, как исказить отчетность, а статистикам – игнорировать фальсификацию, которая как раз в капитальном строительстве была наибольшей.

Сделанный вывод применительно к капитальному строительству подтверждается данными по обеспеченности программ всех отраслей экономики черными металлами. Оказалось, что за три последних года они все в меньшей степени обеспечивают их потребности. Причем для последнего 1928/29 г. – на 29% (там же: 363).

Бухарин считал возможным сохранить тогдашний темп роста капитальных вложений только при некоторых условиях, граничащих с нереальностью: «Нужно принять ряд самых решительных мер, обеспечивающих большую эффективность строительства, большую производительность всех наших производственных единиц и гораздо большую производительность новых, входящих в процесс производства предприятий – эффективность и производительность, серьезно превышающие теперешние требования в этой области» (там же: 364). Он ссылается на внушительные резервы экономии во всех областях (там же). Среди рекомендаций обращает на себя внимание фраза: «мы должны научно поставить дело статистического учета» (там же: 365), что означает, конечно, неудовлетворенность состоянием последнего.

В качестве условия реализации этих рекомендаций указывается: «У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы слишком все перецентрализовали. Мы должны спросить себя: не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны?» (там же). Речь идет об отмене начавшегося отхода от нэпа. Здесь позиции Бухарина, Сокольникова и Осинского совпали. Беда в том, что самые энергичные усилия в 1926 г. именно на этих путях добиться режима экономии дали небольшой эффект. Себестоимость промышленной продукции снизилась лишь на 1,8% (Малафеев, 1963: 406)². Слишком велики были противодействующие силы, коренящиеся в особенностях сложившейся к тому времени общественной и государственной системы, качестве руководящих и рядовых кадров. Даже при нэпе возможности и стимулы проявления хозяйственной инициативы были ограничены. Из-за монополии внешней торговли слаба была иностранная конкуренция. Из-за позднего развития высшего и среднего образования в России остра была нехватка квалифицированных кадров. Гражданская война, красный террор, направленный против прежде господствующих классов, голод и эмиграция еще более обострили нехватку квалифицированных кадров.

Описание хозяйственной ситуации и экономических дискуссий среди руководителей Коммунистической партии образуют фон для анализа первых проектировок пятилетнего плана. Их было две. Обе были составлены в Госплане СССР. Первая в 1927 г. была выработана работниками Госплана СССР под руководством С.Г. Струмилина и рассчитана на период 1926/27–1930/31 гг. (Перспективы развертывания..., 1927). Большинство составителей этого плана были репрессированы в конце 1920-х гг. как вредители. К работе по составлению плана были привлечены представители госпланов союзных республик и поверяющих ведомств (РКИ и ЦСУ).

С технической стороны первая проектировка производит сильнейшее впечатление богатством обосновывающего материала. Он представлен в приложении к основному тексту и включает 183 таблицы, характеризующие настоящее и будущее практически всех сторон хозяйственной жизни СССР и его регионов. Конечно, ключевое значение имеют обобщающие таблицы, в которых отражены основные пропорции экономики. Многие показатели представлены данными за 1913 г., два года, предшествующие пятилетке, и все годы пятилетки. Есть, однако, одно упущение: отсутствует баланс основных фондов. Это обстоятельство, конечно, серьезнейшим образом сказывается на обоснованности пятилетки.

² Данные о снижении себестоимости в следующем году на 6,2% (Малафеев, 1963: 406) не вызывают никакого доверия и могут объясняться только ухудшением качества продукции или (и) лживой статистикой. Уместно отметить, что история советской статистики себестоимости промышленной продукции не написана. В вышедшей в 1960 г. истории советской государственной статистики в главе, посвященной промышленности, о ней нет ни слова. Справедливости ради следует отметить, что такой знаток советской экономики, как Р. Дэвис, критически относящийся к советской статистике, к этим данным о снижении себестоимости относится с доверием.

Два аспекта кардинально отличают пятилетку от ее последующих проектировок. Во-первых, отсутствие какого-либо указания на роль военного фактора при составлении плана и ничтожное значение, придаваемое обобществлению экономики. Оно представлено только преимущественным развитием государственной промышленности и транспорта. В сельском хозяйстве – только довольно скромными капиталовложениями в колхозы и совхозы. Лишь для одной отрасли экономики авторы готовы опираться на экстраполяцию – сельское хозяйство (Перспективы развертывания..., 1927: XVIII). Но зато эта отрасль – важнейшая в экономике СССР того периода, судя по ее удельному весу в валовой продукции и национальном доходе, а также влиянию на многие другие отрасли экономики и уровень жизни населения. Сюда надо бы добавить демографию, определяющую трудовые ресурсы в целом.

При обосновании пятилетки ее авторы исходили из ведущей роли заданий по промышленности: темп ее развития «должен обгонять и темп развития капиталистических стран, ибо, не выявляя в этом преимуществ коллективистического хозяйства над капиталистическим, мы не имели бы никаких шансов на победу социалистической революции в мировом масштабе» (Перспективы развертывания..., 1927: 6). Другое основание – намечаемый объем капитальных вложений в промышленность (Перспективы развертывания..., 1927: 6). К этому вопросу авторы возвращаются далее. Сопоставляя намеченные темпы национального дохода с наивысшими в США, они отмечают, что более высокие показатели СССР объясняются плановым (т.е. бескризисным) ее характером и отсутствием необходимости платить по долгам (Перспективы развертывания..., 1927: 26). Не анализируются реальные результаты советской экономики за 10 лет. Понимая, что высокие цели пятилетки не оправданы, авторы возлагают надежды на рационализацию управления экономикой (Перспективы развертывания..., 1927: XIX). Основные показатели пятилетнего плана на 1926/27–1930/31 гг. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели пятилетнего плана на 1926/27–1930/31 гг.

№ п/п	Наименование показателя	Единица измерения	1925/26	1930/31	1930/31 в % к 1925/26
1	Валовая продукция в червонной валюте, в том числе:	млрд руб.	54,0	74,7	138,4
2	Сельское хозяйство	млрд руб.	15,99	19,72	124,3
3	Промышленность	млрд руб.	13,18	18,78	142,4
4	Народный доход в червонной валюте, в том числе:	млрд руб.	21,54	29,33	136,2
5	Сельское хозяйство	млрд руб.	10,74	13,37	124,6
6	Промышленность с акцизом	млрд руб.	6,67	8,74	144
7	Население в возрасте 15–59 лет	млн чел.	79,9	91,3	114,3
8	Потребление топлива в условных 7000 калориях	млн т	2,69	4,29	1,59
9	Накопление по госсектору	млрд руб.	2,38	4,39	1,93
10	Управление и оборона, социально-культурные расходы бюджета	млрд руб.	2,27	3,43	1,51
11	Потребление населения (4-(9+10))	млрд руб.	16,9	21,31	1,26
11	Численность населения	млн чел.	141,9	157,7	111,1
12	Личное потребление на душу населения (10:11)	руб.	119,2	135,1	113,3
13	Производство электроэнергии	млрд квт-ч	3,22	10,06	3,29

Источник: валовая продукция – Перспективы развертывания..., 1927: 23; народный доход – там же: 25; численность населения – там же: 9; производство электроэнергии – там же: 71; потребление топлива – там же: Приложение, табл. 1

В первом пятилетнем плане были установлены следующие важнейшие народнохозяйственные пропорции. Их лучше рассмотреть по приростным показателям в процентных пунктах:

- 1) соотношение между национальным доходом и валовым продуктом: $36,2 - 38,4 = -2,2$;
- 2) в том числе по сельскому хозяйству: $24,6 - 24,3 = 0,3$;
- 3) в том числе по промышленности: $44,0 - 42,4 = 1,6$.

Таким образом, предусматривается рост материалоемкости национального дохода темпом 0,4 п.п. в год по национальному доходу, в сельском хозяйстве материалоемкость снижается темпом 0,2 п.п. в год, по промышленности годовой темп снижения составляет 0,3 п.п. Указанные соотношения позволяют (при их обоснованности) судить о реальной динамике национального дохода по приобретению совокупности важнейших материалов в неизменных ценах;

- 4) между потреблением топлива и валовой продукцией: $59 - 38 = 21$.

Таким образом, потребление топлива на 4 п.п. в год опережает рост валовой продукции. Это позволяет по потреблению топлива судить о динамике валовой продукции;

- 5) между государственным накоплением и личным потреблением населения: $93 - 26 = 67$.

Предусматривается опережающий рост темпов государственного накопления по сравнению с темпами личного потребления населения с годовым разрывом в 13 п.п. при заметном росте личного потребления населения в целом и на душу населения;

- 6) между приростом продукции промышленности и сельского хозяйства: $42 - 28 = 14$.

Предусматривается опережающий прирост промышленности со среднегодовым превышением в 3 п.п. при значительном росте сельского хозяйства;

- 7) между производством электроэнергии и национальным доходом: $229 - 44 = 185$.

Ежегодный разрыв составляет 37 п.п. Это позволяет судить о развитии промышленности по производству электроэнергии.

Сопоставляя целевые установки первого проекта пятилетнего плана с директивами XV съезда ВКП(б), нетрудно обнаружить три существенных различия. В директивах настойчиво подчеркивается важность оборонного аспекта плана, обеспечения технико-экономической независимости страны и обобществления экономики, в особенности в сельском хозяйстве. Нужно было, следовательно, срочно сочинять новый проект пятилетнего плана. Об этом втором проекте я не встречал упоминаний в советской и российской экономической литературе. Только в знаменитой книге Карра и Дэвиса о создании плановой экономики. Ознакомление с этим проектом объясняет причину такого замалчивания.

Второй проект пятилетнего плана вышел в 1928 г. под названием «Перспективная ориентировка на 1927/28–1931/32 гг.». Весь документ удивительный, от принятого в газете «Правда» заголовка «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в верхнем правом углу до кучего текста в 61 страницу, большей частью занятых таблицами. В отличие от 455 страниц текста и 218 страниц, отведенных под таблицы в приложении, в предыдущем варианте пятилетки. В тексте не указаны авторы, только организация – Госплан СССР.

Велики различия в целевых установках. С первого предложения бросается в глаза военная направленность, отсутствовавшая в предыдущем варианте. Приведу соответствующие отрывки. «Задачей перспективного плана народного хозяйства СССР является такое перераспределение наличных в стране производительных сил, которое наилучшим образом обеспечило бы бесперебойное развитие этих производительных сил в целях возможного повышения благосостояния трудящихся масс и скорейшего продвижения к социализму при одновременном повышении обороноспособности страны» (Пятилетний план, 1929: 3). На следующей странице: «международная обстановка требует от нас дальнейших усилий в области обороны страны» (Пятилетний план, 1929: 4). Возвращаясь к целевым установкам пятилетки, в качестве третьей после технико-экономических и социально-экономических целей указывается: «В области повышения обороноспособности страны капиталистическое окружение вынуждает нас к особым заботам в отношении достижения наиболее желательной для нас с указанной точки зрения как структуры народного хозяйства в целом, так и отдельных ее составных частей. Соответственно, пятилетний план народного хозяйства в целом и планы развития отдельных отраслей народного хозяйства должны быть построены таким образом, чтобы обеспечить наиболее быстрый и безболезненный

переход народного хозяйства Союза от условий работы мирного времени к условиям работы во время войны» (Пятилетний план, 1929: 6). Таким образом, впервые была обнародована главная цель пятилетнего плана – создание мощного военно-экономического потенциала. Хотя в тексте ориентировки и в его таблицах не удалось обнаружить даже следа этого замысла. Он остался только намерением. Нет и сколько-нибудь заметных отличий и в намеченных темпах экономического развития, и в структуре экономики по сравнению с предыдущим вариантом. Обнаруживаются только два методологических новшества. Во-первых, некоторые расчеты приведены в двух вариантах: минимальном и максимальном с небольшой разницей между ними. Во-вторых, запланирован индекс цен (точнее, несколько индексов в соответствии с тогдашней статистической практикой). Предусматривалось существенное (до 20%) снижение цен за пятилетку. Промышленные цены предполагалось снизить намного быстрее сельскохозяйственных, что должно было привести к уничтожению ножиц цен (Пятилетний план, 1929: 17). Никаких обоснований этому снижению индекса не приводилось.

Прежде чем перейти к анализу третьего варианта пятилетнего плана, необходимо выявить изменения в экономическом и политическом положении СССР после обнародования второго варианта пятилетнего плана.

Эти изменения полностью оправдали опасения Осинского и Бухарина. Они даже превзошли их. В то же время разрушили многие установки директив по пятилетнему плану и двух проектов этого плана. Государственные хлебозаготовки 1928/29 г., несмотря на некоторое повышение заготовительных цен на зерно летом 1928 г., шли так же плохо, как в предыдущем году. Частные заготовители платили за зерно намного больше, чем государство. Пришлось вновь прибегнуть к чрезвычайным мерам, а частных заготовителей арестовывать. Пойти на большее повышение заготовительных цен сталинское руководство не желало, чтобы не сорвать намеченные темпы индустриализации. Чтобы ослабить зависимость в заготовках от единоличников, был взят курс на развитие колхозов и совхозов, а единоличников-бедняков привлекали облегчением труда благодаря механизации. На преследования крестьянство ответило сокращением посевных площадей и сбора урожая. Вопреки пятилетнему плану, сельское хозяйство стагнировало. Необходимость роста сельскохозяйственного экспорта для оплаты импорта оборудования и промышленного сырья сократила поступления на внутренний рынок продовольствия и привела к дальнейшему росту цен на частном продовольственном рынке. Рухнул еще один аспект пятилетнего плана, предусматривавший снижение цен. Чтобы как-то поддержать городское население, пришлось расширить карточный режим.

Вместо намеченного пятилеткой роста народного благосостояния произошло его заметное ухудшение, хотя по таким отраслям, как промышленность, строительство и транспорт, наблюдался ощутимый рост. По промышленности и по альтернативным оценкам, учитывающим скрытый рост оптовых цен (но не изменение качества продукции, см. Davies, 1989: 597), рост был во многом результатом наличия остатков восстановительного периода.

Из книги Елены Осокиной приведу свидетельства реакции городского населения на ухудшение продовольственного положения, относящиеся к этому периоду. Они взяты из архивов ОГПУ по донесениям его агентов. «Жизнь дорожает. Нужда растет, нет охоты работать, все равно толку мало»; «Хлеб весь отправили за границу, а сами сидим без хлеба, а наши партийцы кричат о достижениях»; «8 часов на промысле, до 4-5 часов стоим в очереди, вот и выходит 13-часовой рабочий день»; «Правительство с ума сошло. Если так продолжится, то больше месяца не продержимся»; «Правительство намерено превратить нас в живой скелет» (Осокина, 1999: 60–61).

Конец 1928 г. знаменовался усилением борьбы с правым уклоном. Здесь под удар попали такие крупные партийные деятели, как глава ВЦСПС Томский и первый секретарь МК Угланов. Против правого уклона велась сильнейшая идеологическая борьба. В этих условиях составлялся третий вариант пятилетнего плана. Он и был утвержден съездом Советов в мае 1929 г., уже на втором году пятилетнего плана. По богатству фактического материала третий вариант напоминает первый. Он представлен в трех томах. Первый носит обобщающий характер. В нем излагаются целевые установки плана, основные проектировки и ограничения. Во втором томе представлены подробные проектировки по производственной сфере (1-я часть) и социально-

культурной сфере (2-я часть). Третий том дает районный разрез, отсутствовавший в предыдущих вариантах. К сожалению, в новосибирских библиотеках отсутствует первая часть второго тома. Однако в разделе «Строительная программа» первого тома представлены направления вложений в создание новых производственных мощностей, что позволяет определить и отраслевые приоритеты пятилетнего плана.

Обращает на себя внимание разница в составе авторов третьего варианта по сравнению с первым вариантом. В главном первом томе они указаны только в примечании: составлен Гринько Г.Ф. под общей редакцией Кржижановского Г.М., Квирина Э.И. и Струмилина С.Г. Статистическое оформление произведено контактной группой Госплана под руководством Б.А. Гухмана и общим наблюдением Струмилина С.Г. (Пятилетний план, 1929: 9). Разница с первым вариантом колоссальная. Там Струмилин был представлен как руководитель коллектива, здесь – скромным участником некоей контактной группы. Руководителями всей работы были два совершенно новых человека – Гринько и Квининг. Даже председатель Госплана Кржижановский был представлен как редактор наряду с Квирином и Струмилиным. Очевидно, оттеснение Струмилина как автора не могло не быть связано с его экономическими взглядами.

В методологическом плане третий вариант сохраняет некоторую преемственность с первым вариантом, прежде всего, в балансовой проработке и идее равновесия общеэкономических и отраслевых пропорций. Со вторым вариантом сближает идея двух версий планов: минимального (здесь он назван отправным) и максимального (здесь он назван оптимальным). Вместе с тем обнаруживается и различие со вторым вариантом: в целевых установках исчезает оборонный аспект плана. Более того, расходы на управление и оборону (преимущественно на оборону, скорее всего) в планируемом государственном бюджете по отправному варианту предполагалось увеличить в текущих ценах на 20,5% (Пятилетний план, 1929: 392), что значительно меньше народного дохода (65%) (Пятилетний план, 1930: 120). Вместе с тем намеченное увеличение группы А промышленности создавало материальную базу для роста военных расходов.

Радикальным отличием третьего варианта пятилетнего плана от первого было огромное увеличение темпов экономического развития. Эти различия представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сопоставление заданий первого и третьего вариантов первого пятилетнего плана

№ п/п	Наименование показателя	1931/32 к 1926/27, %
1	Национальный доход в неизменных ценах, в том числе	136,2/182,0*
2	Промышленность	142,4/272,0
3	Сельское хозяйство	124,3/132,0
4	Население в рабочем возрасте	114,3/111,1
5	Основные фонды	–/166
6	Оборотные фонды	–/195
7	Выработка электроэнергии	329/337
8	Потребление топлива	159/166,8
9	Накопление	193/251
10	Население	111,8/111,8

* Числитель – первый вариант пятилетнего плана, знаменатель – третий вариант)

Источники: по первому варианту: табл. 1 настоящей статьи; по третьему варианту: Пятилетний план, 1930: 129–143; потребление топлива: Пятилетний план, 1930: 33

Принципиальным и в высшей степени положительным новшеством третьего варианта стало появление динамики основных и оборотных фондов. Другое дело – качество их обоснования. Сопоставление первого и третьего варианта выявляет огромные различия между ними по всем показателям, кроме численности населения и населения в трудоспособном возрасте. Квалифицированные советские экономисты того времени, несомненно, были ошарашены подавляющим

большинством обобщающих заданий третьего варианта пятилетки. Даже задания по росту национального дохода в первом варианте превышали динамику национального дохода в США в лучшие годы ее экономического развития. Теперь задания оказались более чем в два раза выше. Это же касается заданий по росту промышленности и фонда накопления. Задания по росту производства электроэнергии и топлива меньше отличались от заданий по первому варианту, но оставалось непонятным, как их совместить с повысившимися заданиями по росту национального дохода. Большую экономию топлива и электроэнергии требовалось как-то обосновать и, что еще труднее, обеспечить.

Не менее абсурдными были задания по снижению себестоимости продукции. Эти задания определяли размеры финансирования народного хозяйства. Выше приводились данные о размере снижения себестоимости промышленной продукции в 1926/27 г. в размере 1,8%. В свете этих цифр совершенно фантастическим выглядит запланированное снижение себестоимости всей продукции народного хозяйства на 30% (Пятилетний план, 1929: 328). Это, кстати, противоречило запланированному повышению материалоемкости промышленной продукции на 12% ежегодно. А материалы составляли основной элемент себестоимости промышленной продукции. Но при нереалистичных установках высшего руководства уже не до логики и даже не до арифметики. Несчастливым составителям третьего варианта пятилетнего плана можно только посочувствовать. К этому времени в их составе произошли большие изменения. «Буржуазные» специалисты были удалены из штата Госплана СССР, а партийные должны были выполнять установки руководства Коммунистической партии, которое к этому времени возглавляли Сталин и его непосредственное окружение. Такой выдающийся экономист, как Струмилин, как раз занимавшийся сводными экономическими расчетами, принадлежал к числу этих несчастных экономистов.

Практика должна была выявить фантастичность проектировок пятилетнего плана. Как это произошло с первым годом пятилетки, было показано выше на примере сельского хозяйства, уровня жизни населения и динамики розничных цен.

Перейду ко второму году пятилетки. Здесь провал был наиболее очевиден в тех же отраслях и направлениях. Сельское хозяйство продолжало стагнировать, уровень жизни снижался у сельского населения, у которого насильственно изымали все больше продукции для нужд растущего городского населения, районов технических культур и особенно экспорта. Ввиду нежелания крестьян сдавать зерно, как и в прошлом году, последовали чрезвычайные меры, еще более суровые: «запрет на воду означал посты у колодцев, которые означали, кому давать воду, кому нет. Бойкот на здравствование означал запрет здороваться с бойкотируемым. Бойкот на курение означал запрет давать закурить или прикурить. Бойкот на огонь означал запрет затапливать печь, а если хозяин ослушался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет – забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить в гости, а если нужно по делу, то брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат: “Не ходи ко мне – я враг советской власти”. В случае исчезновения плаката – бойкотируемого штрафовали, поэтому его семья беспрерывно дежурила у ворот, дабы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, сельсовета, детей бойкотируемого исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемого запрещали выходить за ограду» (Осокина, 1999: 63–64). Елена Осокина приводит и еще более дикие примеры: «Весной появились донесения ОГПУ о локальном голоде в деревнях» (там же: 64); «Городское население страдало от растущего товарного голода и роста цен на частном розничном рынке... В условиях дефицита продовольствия расширилась карточная система» (там же: 65); «И, наконец, 14 февраля 1929 года карточная система на хлеб стала всесоюзной» (там же: 66); «С весны 1929 года в стране начали ощущаться мясная и жировая проблема» (там же: 67). Современник 9 октября 1929 г. записывает в дневнике о продовольственном положении в Москве – самом благополучном городе в СССР: «Продовольствие ухудшается. Нет яиц, нет масла, нехватка в мясе; в помине нет муки нового размола (это в октябре-то!). Мужиков напугали угрозой запрета молока, а потом сняли предполагаемый запрет. Результат: напуганные мужики “подписали” обязательство сдавать молоко на сливные пункты, где его все-таки мало и оно прокисает; от этого в Москве его дают только по карточкам, при том только детям и его не хватает» (Шитц, 1986: 58).

Ухудшалось не только текущее потребление продовольствия, но и жилищные условия в городах. Ввиду невыполнения плана по вводу в действие жилья в обобществленном секторе и без того низкая его обеспеченность вместо намеченного роста снизилась с 5,8 кв. м на душу населения на 0,1 кв. м (Год работы правительства..., 1930: 402). Относительное благополучие в производстве было только у фаворитов пятилетки – в промышленности, строительстве и транспортной сфере. Даже по скорректированной на скрытый рост цен оценке Наттера в этом году прирост промышленной продукции составил 14% вместо 20% по официальной статистике (Davies, 1989: 507). Еще более поразителен оказался прирост производительности труда. При росте занятых в промышленности на 5,2% (Ibid.: 524) производительность труда в промышленности выросла на 8,4%. Сталин, ориентируясь, конечно, на более высокие официальные данные о росте производительности труда, в статье «Год великого перелома» к 12-й годовщине Октябрьской революции триумфально провозгласил этот успех как свидетельство великих успехов социализма первым пунктом (Сталин, 1952: 295). Секрет этого «успеха» раскрыл Струмилин в докладе о контрольных цифрах плана на следующий год. Он обратил внимание на проблему качества продукции, игнорируемую, замечу, в подавляющем большинстве советских российских и западных работ по советской экономической истории: «Наконец, несколько слов об улучшении качества продукции. Мы уже не в первый раз выдвигаем это задание. Но, поскольку качество продукции не поддается точному учету, это задание остается часто без всякого исполнения. А при нажиме по линии снижения себестоимости продукции мы зачастую наблюдаем даже явное ухудшение качества произведенной продукции» (Струмилин, 1959: 22). Очевидно, что в погоне за количеством, показателями производительности труда и себестоимости продукции, где качество продукции не принималось во внимание, предприятие и отдельные работники упрощали производственный процесс, опуская операции, влияющие на качество. Сталин, выступая с докладом на XVI съезде партии в следующем году, говорил о «безобразном качестве продукции ряда наших предприятий» (Ленин, Сталин, 1936: 471).

Огромным ухудшением качества промышленной продукции объясняется подавляющая часть быстрого, по отчетности, снижения себестоимости продукции и роста прибыли. В отраслях, где было затруднительно понижать качество, показатели производительности труда и себестоимости коренным образом отличались от общепромышленных. Так, при производстве угля себестоимость снизилась лишь на 1,2% при снижении себестоимости всей промышленности на 4,2% (Год работы правительства..., 1930: 151).

О динамике строительства лучше всего судить по динамике численности занятых в строительстве в силу практического отсутствия механизации и увеличения числа неквалифицированных рабочих. Она составила 20% (Davies, 1989: 524) при росте национального дохода, созданного в строительстве по официальным данным, на 25,4% (Ibid.: 489). При таком действительно огромном размахе строительства быстро выявилась его крайняя неорганизованность и недостаточность с точки зрения поставленных производственных целей. Относительно обеспеченности проектной документации С.З. Гинзбург, отвечающий тогда в ЦКК-РКИ за строительство, пишет так: «Одна из важных работ ЦКК-РКИ в 1929 году – проверка обеспеченности проектно-сметной документацией строек, предусмотренных планом на 1930 год. Мы ознакомились с состоянием дел в проектных организациях и на отдельных стройках. Положение оказалось крайне неблагоприятным: многие стройки не имели утвержденной проектной документации, не говоря уже о рабочих чертежах» (Гинзбург, 1986: 70). Чрезвычайно медленный темп проектирования новых предприятий отмечался в постановлении СТО СССР о перспективах развития цветной металлургии и в ряде других постановлений по развитию отдельных отраслей промышленности, принятых в 1929 г. (Директивы КПСС, 1957: 90, 98, 109). Это «привело в ряде случаев к резкому превышению сметных предположений (в 2-3 и даже 5 раз)» (там же: 98).

Отсутствие проектной документации имело, помимо существенных проблем с организацией строительства, исключительно важные негативные последствия для народнохозяйственного планирования. Оказалось невозможным определить реальные объемы капитальных вложений для ввода запланированных производственных мощностей. В результате третий вариант плана первой пятилетки в несколько раз недооценил необходимый объем капитальных вложений для

выполнения установленных заданий. Отсюда иллюзия о возможности наряду с ускоренной индустриализацией роста уровня жизни населения. Пусть и не в таком несуразном объеме, как в плане.

Действительность 1928–1929 гг. все расставила по местам. В связи с провалами пятилетки можно было сбавить темп капитальных вложений и отказаться от ускоренной индустриализации, как рекомендовали Осинский, Бухарин и Сокольников, или идти по пути дальнейшего снижения уровня жизни населения. Сталинское руководство избрало второй путь уже в 1929 г. Выявился и другой ограничитель ускоренной индустриализации – численность занятых в не-сельскохозяйственных отраслях. При реальном минимальном росте производительности труда в этих отраслях для их быстрого роста требовалось обеспечить быстрее приток в города рабочей силы. Этого можно было добиться, лишь сделав жизнь в деревне невыносимой.

Только в транспортной сфере произошел действительно быстрый рост производительности труда. В качестве реальной динамики продукции транспорта можно принять динамику созданного в транспорте национального дохода в неизменных ценах. Он составил по приросту 11,1% (Davies, 1989: 489) при неизменности численности занятых на транспорте (Ibid.: 524).

Попытаюсь исчислить реальную динамику национального дохода в 1929 г., поскольку этих расчетов нет в имеющейся литературе. Расчет за 1928 г. (пусть и небезупречный из-за ряда неучтенных факторов), проделанный Маркевичем и Харрисоном, показал рост на 7,3% (Маркевич, Харрисон, 2013: 18) с разрывом в 3,5 п.п. в сравнении с данными баланса народного хозяйства СССР, вышедшего в 1932 г. (10,9%). Отталкиваясь от данных Маркевича и Харрисона, можно исчислить динамику национального дохода за 1929 г. в сравнении с 1928 г. Расчет альтернативной оценки динамики национального дохода в 1928/29 г. осуществлялся в двух вариантах. Первый вариант является продолжением расчетов Маркевича и Харрисона в ценах 1913 г. Динамика по сельскому хозяйству принималась по данным советской статистики о национальном доходе, созданном в сельском хозяйстве.

Я внес поправку в данные по альтернативному индексу промышленной продукции Наттера, который составил 1,14 к предыдущему году (Nutter, 1962: 525–526). Мною экспертно установлена поправка на ухудшение качества продукции на 4 п.п. Динамика строительства принята на уровне динамики занятости. Динамика транспорта взята по официальным данным о динамике национального дохода, созданного на транспорте. Результаты расчета представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Альтернативная оценка динамики национального дохода
в 1928/29 г. в ценах 1913 г., млн руб.**

№ п/п	Наименование отрасли	1928	1928/29	1929
1	Сельское хозяйство	8079	0,98	7491
2	Промышленность	3833	1,1	4216
3	Строительство	881	1,2	1057
4	Транспорт	887	1,11	985
5	Итого	13 680	1,0	13 779

Источник: расчеты автора по (Маркевич, Харрисон, 2013) и данным баланса народного хозяйства СССР

Как видим, прирост национального дохода в 1929 г. составил 4% вместо 11% по данным баланса народного хозяйства и 12,6% по первоначальным данным ЦСУ СССР (Ленин, Сталин, 1936). Разрыв с окончательными официальными данными составил 7 п.п. вместо 3,5 п.п. Это вполне естественно: рост инфляции в 1929 г. был намного больше, чем в 2018 г. Разрыв с данными ЦСУ СССР просто колоссален, что всегда наблюдалось в СССР в периоды экономических неудач. Эти данные, однако, не вполне сопоставимы с данными баланса национального дохода СССР, поскольку последние осуществлялись в ценах 1928 г. Для обеспечения полной сопоставимости проделан еще один расчет (табл. 4).

Таблица 4

**Расчет альтернативной оценки динамики национального
дохода СССР в 1929 г. в ценах 1928 г., млн руб.**

№ п/п	Наименование отрасли	1928	1929/28	1929
1	Сельское хозяйство	10 154	0,983	9981
2	Промышленность	7641	1,1	8405
3	Строительство	1870	1,2	2244
4	Транспорт	1135	1,11	12 480
5	Итого	20 800	105,1	21 878

Источник: расчеты автора по (Davies, 1989: 489) и данным баланса народного хозяйства СССР

По данному методу индекс составляет 105,1%, что лишь немногим превышает значение, рассчитанное по первому методу. Полученные результаты за 1928 и 1929 г. совсем неплохи по меркам капиталистических стран, но свидетельствуют лишь о сохранении огромной дистанции между СССР и этими странами и никак не о том, чтобы догнать их. К тому же полученные цифры в три раза ниже намеченных темпов в условиях наличия остатков восстановительного периода в промышленности и на транспорте, преобладания экстенсивных методов роста в промышленности и в строительстве и во многом за счет структурных сдвигов и при огромных жертвах населения.

Не располагая удовлетворительной макроэкономической статистикой, советские руководители, обладающие немалым здравым умом и информацией того же РКИ и СМИ о вопиющей неэффективности во многих отраслях экономики, могли оценить провал пятилетки за эти два года. Но они не только не отказались от фантастических заданий и сложившихся методов хозяйствования, а, как будет показано, усугубляли и то и другое. В чем дело? На этот вопрос ответил в 1930 г. выдающийся российский социолог Г. Федотов в эмигрантском журнале: «В моей (ненапечатанной) схеме Россия стоит на распутье. “Революция загнивает”, – писал я. “Или она найдет вождя, который смелой рукой ликвидирует коммунистическое иго, или Россия идет на встречу новым катастрофам”. Мог ли я предвидеть, что страна будет поставлена перед катастрофой сознательной волей полубезумного вождя революции?... По-видимому, Сталин и Троцкий оказались единственными из стаи Ленина, которые не пожелали “гнить”... Они одни предпочли бы смерть бесславию термидора» (Федотов, 1991: 328). То, что СССР стоял перед катастрофой, подтвердил еще в 1926 г. Л. Каменев в беседе с Микояном на пике успехов нэповской России: «Мы идем к катастрофической развязке революции» (Микоян, 1999: 279).

Безусловно, авантюристические экономические и политические меры первых лет пятилетки были крайне рискованной (и губительной для населения) попыткой избежать гибели советской власти и господства Коммунистической партии. Здесь сталинское руководство видело шанс спасения, учитывая значительно выросшую мощь государственного аппарата и ослабление влияния своих политических противников по сравнению с конечным периодом военного коммунизма.

Учитывая преобладание экстенсивных факторов в экономическом развитии и исчерпанность резервов восстановительного периода, даже медленный экономический рост требовал ускоренного привлечения трудовых ресурсов из деревни и еще больших капитальных вложений. Это и объясняет переход к коллективизации деревни, способной обеспечить и то и другое, при всей рискованности этой политики.

От экономических фантазий к началу вакханального планирования

Термин «вакханальное планирование» придумал замечательный российский экономист Наум Ясный для описания практики планирования в 1930–1932 гг. Но начало этой практике было положено еще 5 мая 1929 г., сразу после принятия пятилетки, не успевшая еще высохнуть типографская краска на ее тексте. Впрочем, еще даже до утверждения плана президиум ВСНХ одобрил увеличение заданий оптимального варианта по нескольким отраслям промышленности (Davies, 1989: 179).

Пересмотр предполагал значительное повышение планов по развитию вооруженных сил и военной промышленности. Эти новые планы были изложены в двух постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 г. В первом из них ставились амбициозные задачи по состоянию обороны страны: «на ближайшее пятилетие – по численности не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно – по воздушному флоту, артиллерии и танкам» (Становление оборонно-промышленного комплекса..., 2008: 328). В соответствии с этими установками предусматривалось значительное увеличение заданий по мобплану по всем видам важнейшего вооружения (там же). Допускалось превышение установленных в оптимальном варианте пятилетки ассигнований на оборону, хотя точная величина не называлась (там же: 329).

Понятно, что столь значительное увеличение заданий по мобподготовке требовало увеличения плана по выпуску военной техники и боеприпасов. А это, в свою очередь, – обеспечения увеличенным выпуском используемых в военной промышленности материалов, прежде всего цветных металлов, которых в СССР производилось очень мало. Это вскоре привело к принятию постановления о пересмотре заданий пятилетки по цветной металлургии в сторону их значительного увеличения. Так появилось постановление Совета труда и обороны СССР от 2 августа 1929 г. «О перспективах развития цветной металлопромышленности» (Директивы КПСС, 1967: 90–122). В нем предусматривался рост заданий пятилетки (на ее конец в тоннах): по меди – с 85 450 до 150 000, по цинку – с 77 450 до 127 000, по свинцу – с 38 500 до 100 000, по алюминию – с 5000 до 20 000 (Директивы КПСС, 1967: 91). Для обеспечения новых заданий предусматривалось удвоение объема капитальных вложений по сравнению с пятилетним планом (Директивы КПСС, 1967: 96). Понятно, что это должно было увеличить и общий объем капитальных вложений в экономику. Поскольку материальные балансы еще не разрабатывали, обоснования этих заданий со стороны спроса не было.

8 августа 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) о работе Югостали. В нем ВСНХ рекомендовалось «на основе намеченных в пятилетке затрат повысить задание для действующих заводов Югостали с 5,200 тыс. т до 6 млн т чугуна в 1932/1933 г., а при дальнейшей проработке пятилетки выяснить возможность и целесообразность будущего превышения этого задания до 6,5 млн т» (Директивы КПСС, 1967: 95).

В 1929 г. были пересмотрены в сторону повышения задания пятилетнего плана и по другим отраслям промышленности (Davies, 1989: 187–220). Эти хаотически и поспешно принимаемые решения были почти не увязаны друг с другом в отличие от пятилетки, где такая увязка хоть как-то обеспечивалась. Фантастические иллюзии наряду со статистическим ослеплением нашли свое выражение в плане на 1929/30 г. Доклад о его заданиях пришлось на VI съезде плановых работников делать Струмилину. Его доклад предусматривал рост национального дохода на 21,2%, при том что в пятилетнем плане предполагался рост на 16,2%, а фактически в предыдущем году он составил 4–5% (Струмилин, 1959: 17–18). Струмилин обосновывал эти цифры улучшением качественных показателей. Так, намечался рост производительности труда в промышленности на 23%, что объяснялось ростом капиталовооруженности на 25% (Струмилин, 1959: 20). Здесь были искажены две составляющие расчета: занижена первоначальная стоимость основных фондов и колоссально завышена динамика капитальных вложений. Для обоснования объема финансирования капитальных вложений и других расходов планировался совершенно нереальный план по снижению себестоимости промышленной продукции на 11% (в том числе на 11,46% за счет норм). Так, нормы потребления сырья планировалось уменьшить на 5%, а топлива даже на 12% (Струмилин, 1959: 20–22).

Струмилин в силу партийного долга и страха исключения из партии вынужден был отстаивать эти несуразные цифры. Здесь следует еще раз отметить роль лживой статистики в искажении заданий плана на 1929/1930 г. Больше всего искажений было в оценке динамики обрабатывающей промышленности, где в силу смены номенклатуры продукции легко было обеспечить скрытый рост оптовых цен под видом улучшения качества. Проиллюстрирую это практикой предыдущего года. Тогда ожидался рост продукции машиностроения на 41% при ожидаемом росте продукции черной металлургии – основного конструкционного материала для машиностроения – на 20% (Год работы правительства..., 1930: 122).

Чтобы обеспечить этот рост основными фондами, были запланированы еще более высокие темпы роста созданного национального дохода в строительстве и капитальных вложений. Объем национального дохода, созданного в строительстве, планировалось увеличить на 66,6% против 39% по контрольным цифрам (Струмилин, 1959: 18). При практически ручном труде в строительстве для этого надо было почти удвоить число занятых в строительстве. Требовалось вынудить крестьян бежать из деревни и загнать в лагеря нелояльные элементы. Лучшего способа добиться этого, чем коллективизация сельского хозяйства и репрессии, было не придумать. Это и случилось в начале 1930 г., когда была объявлена кампания раскулачивания и массовой коллективизации. Что касается массовых репрессий против недовольных в городе, то начало им было положено Шахтинским процессом против «вредителей» в угольной промышленности летом 1928 г., продолжено расстрелом бывших царских генералов – видных руководителей военной промышленности – осенью 1929 г. (Становление оборонно-промышленного комплекса..., 2008: 377). Многих частных торговцев также репрессировали. Так были запущены две важнейшие черты сталинской системы правления – ложь и страх. Страх антисоветских восстаний – для большей части населения, впадающей в нищету, ложь – для членов своей партии и комсомола внутри страны, а также сторонников коммунизма за рубежом при отсутствии или нехватке реальных экономических успехов.

Советское руководство в 1929 г. пыталось добиться повышения эффективности экономики. В промышленности эти усилия были связаны с переходом к непрерывной рабочей неделе (непрерывка) на базе семичасового рабочего дня и социалистическим соревнованием. Непрерывка должна была обеспечить повышение коэффициента сменности и тем самым лучшее использование оборудования. Социалистическое соревнование было ориентировано на коммунистически идейную часть рабочего класса, особенно среди молодежи. Передовые рабочие (ударники) перевыполняли производственные нормы.

Советские экономисты показывали, какие имеются огромные неиспользованные резервы производственных мощностей в обрабатывающей промышленности. Отмечу очень содержательные и, на первый взгляд, убедительные работы молодого тогда Я.А. Кваши (2003: 213–249). К этим мерам можно добавить старания по укреплению дисциплины труда, снижению расценок.

Усилия по интенсификации промышленного производства дали кратковременный эффект во второй половине хозяйственного года (Davies, 1989: 190), но быстро себя исчерпали. Выяснились многочисленные препятствия к повышению сменности. Сыграла роль и нехватка рабочей силы и материалов, отсутствие сопряженности между цехами и отдельными видами оборудования и многое другое. Заинтересованности в интенсификации не было ни у руководителей, ни у рабочих. Не хватало и квалификации. Пыл ударников наталкивался на сопротивление основной массы рабочих, опасавшихся повышения норм выработки и снижения расценок.

Столкнувшись с огромными трудностями в ходе модернизации экономики, советское руководство быстро осознало отсутствие достаточного объема технических знаний и организационных навыков у исполнителей. Это особенно касалось постановки и освоения новой техники, проектирования предприятий. Выход искали в привлечении иностранного интеллектуального потенциала и импорта иностранного оборудования. Практически во всех постановлениях по развитию промышленности, принятых в 1929 г., имеются разделы об иностранном техническом содействии (Директивы КПСС, 1967: 92–93, 114–115). Одновременно принимались огромные усилия по подготовке новых политически надежных технических и естественно-научных кадров, преимущественно из рабочей среды. В уже цитировавшейся статье «Год великого перелома» Сталин писал, что «задача построения тяжелой промышленности упирается еще в проблему кадров: выработки новых красных техников и красных специалистов из людей рабочего класса. Проблема кадров еще ждет своего решения» (Сталин, 1952: 297). Здесь вставляли две тяжелейшие проблемы: где найти многочисленных рабочих, подготовленных к учебе в вузах, и где найти для них многочисленных квалифицированных преподавателей. К тому же приходилось ждать, пока новые кадры пройдут подготовку. Пока же положение с кадрами оставалось катастрофическим. Оно заметно ухудшилось после начала борьбы с «вредительством» и дореволюционными специалистами в пользу лиц с рабочим происхождением и членов партии. Среди руководителей

трестов Всехимпрома в 1929 г. насчитывалось 88,5% членов партии; 51,9% – из рабочих; 59,6% лиц с низшим образованием; и лишь 25% с высшим образованием. Среди директоров заводов этого объединения было 97,1% членов партии; 4,5% с высшим образованием; 77,9% с низшим образованием; 68,3% – из рабочих (Лельчук, 1964: 333). При таком составе руководящих кадров невозможно было даже думать о возможности эффективного развития экономики. Произошло резкое ухудшение уровня квалификации членов правления трестов и директоров заводов химической промышленности по сравнению с концом 1922 г. (Лельчук, 1964: 60).

О негативном влиянии репрессий и чисток на качество управления вынуждены были говорить даже видные хозяйственники-партийцы. Так, член ЦК партии И. Косиор в середине 1929 г. писал об «огульном заподозривании и бессмысленном дерганье всех специалистов» (Социальная мобилизация, 2013: 282). Крайне негативно на качество планирования и хозяйствования повлияло практически полное устранение квалифицированных старых специалистов из аппарата Госплана СССР и ВСНХ СССР. Новые специалисты не только были намного менее квалифицированы. Они были намного менее самостоятельными, предпочитали не высказывать собственного мнения, чтобы не быть обвиненными в уклонах.

Были ли Сталин и его окружение безумцами?

Я говорю здесь не о стратегии ускоренной индустриализации. Г.П. Федотов показал ее неизбежность для сохранения советской системы. А только о тактике. О принятии неосуществимых планов, хаотических и поспешных необоснованных изменениях в сторону их повышения, дезорганизующих весь хозяйственный механизм. Здесь, думаю, сказалось отсутствие у Сталина и его окружения опыта управленческой хозяйственной деятельности, дающего представление о реальных возможностях экономики. Видимо, была иллюзия того, что высокие задания даже при их неполном выполнении вынудят руководителей и рядовых работников достигнуть больших результатов.

Другой вопрос: имели ли высшие советские руководители в условиях лживых общеэкономических данных представление о реальном положении в экономике. Опубликованные в постсоветский период многочисленные документы этого периода позволяют дать положительный ответ. Имелись правдивые данные о количестве производимой продукции в натуральном выражении и количестве оборудования, числе занятых по отраслям, об уровне и динамике цен на частном рынке. Донесения агентов позволяли ОГПУ давать объективные данные о настроениях отдельных слоев населения. Они, как и обследования ЦКК-РКИ, сигнализировали о недостатках в хозяйственной деятельности. Ведомства и предприятия, желая снять с себя ответственность за неудачи, сообщали об упущениях поставщиков или строителей. Наконец, многое о недостатках сообщала советская периодическая печать. Даже о таком крайне трудно измеряемом явлении, как низкое качество продукции. В качестве примера приведу сообщение в «Экономическом обозрении» о производстве галош. Оно позволяло судить и об общих тенденциях в качестве продукции, и корректировать данные о динамике количества: «Продукция галош в 1928 году была на 48% больше, чем в 1913 году. Если учесть ухудшение качества, то реальная продукция составляет 74% довоенной»³. Это означает, что качество ухудшилось в два раза по сравнению с 1913 г.

Заключение

Принятый в конце 1920-х гг. курс на модернизацию экономики был обусловлен огромным экономическим, культурным и военным отставанием СССР от его классовых и геополитических конкурентов, стремлением продемонстрировать легитимность социалистической системы в глазах собственного населения и сторонников социализма в мире. Принятый вариант пятилетнего плана преследовал цель начать процесс преодоления отставания. Этим определялись его макроэкономические и отраслевые пропорции. В ходе выполнения плана выявилась его нереалистичность. Особенно пострадал уровень жизни населения. Однако сталинское руководство, несмотря

³ Раковский Х. и др. (1990). Обращение оппозиции большевиков-ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б). *Дипломатический ежегодник 1989*. М., с. 442.

на неудачи и недовольство большей части населения, продолжало и даже усиливало принятые в пятилетнем плане приоритеты первоочередного развития тяжелой промышленности, военного сектора экономики и ее обобществления. Огромные трудности были вызваны как собственными ошибками руководства, так и катастрофическим состоянием кадров: рабочих, ИТР и руководителей. Ответом на кризис в области производительности труда и финансирования капитальных вложений явились коллективизация сельского хозяйства и ускоренная подготовка квалифицированных кадров, привлечение иностранной технической помощи людьми, проектами и оборудованием. В проведении своей экономической политики сталинское руководство продемонстрировало редкую настойчивость, не считаясь с огромными материальными и человеческими жертвами. Результатом стала преимущественно большая нагрузка на действующие производственные мощности, формирование финансовых ресурсов для капитального строительства, обеспечение его проектами и рабочей силой, образование экспортного товарного фонда для оплаты импорта иностранного оборудования и научно-технического персонала и документации.

Литература / References

- Большевистское руководство. Переписка 1912–1927 (1996). М. [Bolshevik Leadership. Correspondence of 1912–1927 (1996). Moscow (in Russian)].
- Бухарин Н.И. (1990). *Путь к социализму*. М. [Bukharin, N. (1990). *The Path to Socialism*. Moscow (in Russian)].
- Гинзбург О. (1986). *О прошлом – для будущего*. М. [Ginzburg, O. (1986). *About the Past for the Future*. Moscow (in Russian)].
- Год работы правительства Первый год пятилетки 1928/29 (1930). М. [A Year of Government Work in the First Year of the Five-year Plan in 1928/29 (1930). Moscow (in Russian)].
- Дипломатический ежегодник 1989 (1990). М. [Diplomatic Yearbook 1989 (1990). Moscow (in Russian)].
- Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 2 (1957). М. [Directives of the Communist Party of the Soviet Union and the Soviet Government on Economic Issues, vol. 2 (1957). Moscow (in Russian)].
- Кваша Я.Б. (2003). *Избранные труды*, т. 3. Факторы производства. М. [Kvasha, Ya. (2003). *Selected Papers*, vol. 3. Factors of Production. Moscow (in Russian)].
- Лельчук В.С. (1964). *Создание химической промышленности СССР*. М. [Lelchuk, V. (1964). *Launch of the Chemical Industry of the USSR*. Moscow (in Russian)].
- Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б) (1936). М. [Lenin and Stalin. Collection of Works on the History of the All-Union Communist Party (1936). Moscow (in Russian)].
- Малафеев А.Н. (1964). *История ценообразования в СССР (1917–1963)*. М. [Malafeev, A. (1964). *History of Pricing in the USSR (1917–1963)*. Moscow (in Russian)].
- Маркевич А., Харрисон М. (2013). *Первая мировая война, гражданская война и восстановление*. М. [Markevich, A. and Harrison, M. (2013). *World War I, Civil War, and Recovery*. Moscow (in Russian)].
- Микоян А. (1999). *Так было*. М. [Mikoyan, A. (1999). *It Was So*. Moscow (in Russian)].
- О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства КПСС в директивах и решениях съездов, конференций и пленумом ЦК, т. 4 (1984). *On directives for the five-year plan of the national economy of the CPSU in directives and decisions made on congresses, conferences and the plenum of the Central Committee*, vol. 4 (1984).
- Осокина Е. (1999). *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941*. М. [Osokina, E. (1999). *Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and Market Supply of the Population During the years of Industrialization 1927–1941*. Moscow (in Russian)].
- Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. (1927). М.: Материалы Центральной комиссии по пятилетнему плану под ред. С.Г. Струмилина. [Prospects

- for the Development of the National Economy of the USSR for 1926/27–1930/31* (1927). Moscow: Documents of the Central Commission on the Five-year Plan, ed. by S. Strumilin (in Russian)].
- Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР на 1927/28–1931/32 гг., т. 1 (1930). М. [*Five-year Plan for the development of the national economy of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) for 1927/28–1931/32*, vol. 1 (1930). Moscow (in Russian)].
- Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР на 1927/28–1931/32 гг., т. 2, ч. 2 (1929). М. [*Five-year Plan for the development of the national economy of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) for 1927/28–1931/32*, vol. 2, part 2 (1929). Moscow (in Russian)].
- Сокольников Г.Я. (1991). *Новая финансовая политика на пути к твердой валюте*. М. [Sokolnikov, G. (1991). *New Financial Policy towards Hard Currency*. Moscow (in Russian)].
- Сорокин Г.М. (1961). *Планирование народного хозяйства СССР*. М. [Sorokin, G. (1961). *Planning the National Economy of the Soviet Union*. Moscow (in Russian)].
- Сталин И.В. (1952). *Вопросы ленинизма*. М. [Stalin, I. (1952). *Issues of Leninism*. Moscow (in Russian)].
- Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, т. 111 (2008). М. [*The Evolution of Military-Industrial Complex in the Soviet Union*, vol. 111 (2008). Moscow (in Russian)].
- Струмилин С.Г. (1959). *Очерки социалистической экономики*. М. [Strumilin, S. (1959). *Essays on the Socialist Economy*. Moscow (in Russian)].
- Федоров Г.П. (1991). *Судьба и грехи России*, т. 1. СПб.: София. [Fedorov, G. (1991). *The Fate and Sins of Russia*, vol. 1. Saint Petersburg (in Russian)].
- Ханин Г.И. (1989). Почему и когда погиб нэп. *ЭКО* (10). [Khanin, G. (1989). Why and when the NEP died. *ECO* (10) (in Russian)].
- Шитц И.И. (1986). *Дневник «великого перелома»* (март 1928 – август 1931). Paris. [Shitz, I.I. (1986). *Diary of the “Great Turning Point”* (March 1928 – August 1931). Paris (in Russian)].
- Davies, R. (1989). *The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930 (Industrialization of Soviet Russia, 3)*. Harvard University Press.
- Nutter, G. (1962). *Growth of Industrial Production in the Soviet Union*. Princeton University Press.